

(Окончание. Начало на 2-3-й стр.)

— Здравствуй, дорогая мать! — бойко начал Шурка. — Горько писать эти строки, больно от правды такую вест с недописанным письмом нашего боевого товарища, но вы должны знать правду. Ваш сын Федор был лучшим разведчиком артиллерийского полка и погиб смертью храбрых у местечка...

Смысл слов страшной вести еще доходил до Шуркиного сознания, а бабка уже зашлась криком. Тогда и Шурка не выдержал, и тоже заревел. Дед отплавил их водой, гладил мозолистой рукой Шуркину голову и говорил глухо:

— Приплачь, внучек, поплачь... Жить-то надо.

А сам не плакал. Только почернел с лица. И вроде бы борода у деда тяжелее стала, клонила голову книзу, гнула его, и без того уже согбенного летями. Шутка ли: три войны до этого прошел дед. Японскую, империалистическую

пройдем, а вас в гроб вдавним...

Фрол еще бы ругался, но тут из сельсовета выпшла председательша, тетка Маруся. Помогая Чабуреткину встать, она упрекнула ласково:

— Землю одолеть хочешь, а сам до дому никак не дойдешь!

Поднятый, Фрол согласно закивал и принял головой к теткинному плечу, скрипнул зубами.

— Ты пойми, Мария... Душу пойми!

— Понимаем, все понимаем, — веда покорного Фрола, говорила председательша. — Да сам себя в стыд бросаешь, фронтови-чок ты наш...

Шурка тогда и не заметил, как у него глаза мокрыми стали. И домой он пришел притихший, все думал, как Фролу жалко ногу свою, в сгоревшем танке оставленную... Он и сейчас, завспоминав, не удержался от горестного вздоха, торопя перо за бабкиными словами.

— Лето нынче удалось,

Ты, дядя Климентий, видать здорово их колошматил, если опять был ранетым и опять к ордену приставлен. Бабушка только плакала и говорила, что у ее сердце чего-то чуяло. Почему ты сразу про ранение не сигналил? Это не дело. Я бы тебе тогда в день по письму отписывал. А у меня тоже беда. Нонче, как выжидали покос, пал метнулся к плетню нашего огорода. А там, под плетнем, я парход прятал. Вот тут-то он и сгорел. Но я не плакал, хотя жалко мне его до слез было. И сейчас, дядя Клим, тут тихо без вас. Но раз война, то и я пошучать могу...

Шурка писал, забыв обо всем. Это был его час. Волею обстоятельство поставленный совсем не перед детскими заботами, оказавшись посредником между фронтом и тылом, свидетелем разговоров взрослых, тоскующих и страдающих людей, он, девятилетний мальчишка — живая душа — не мог быть равнодушным исполнителем дела. И довольный возможностью поговорить с дядьками, перед которыми ему хотелось и прихвастнуть новостями, и сбрехнуть что-нибудь смешное, он делал это с радостью, которую, сам того не ведая, передавал в души больших людей, идущих через бои и пожарища. И сейчас он представлял, как его дядя Клим командует своей пушкой, сцеливая с бугра немецкие танки, а потом садится, читает письмо и говорит, как бывало раньше: «Вот дает, короед пузатый! Гляди, чего отчебучивает!». И при этом щурит свой серый, смешливый, как у Шурки глаз.

— Чего пишешь-то? — громко, может не в первый раз спросила бабка. — От себя пооди? Скрипит и молчит, окаянный! Давай читай, чего понаписали. А я вспомню, что, потом доскажу...

Шурке перечитал письмо, на память быстро пересказав кучу приветов, которых не оказалось на бумаге, но зато медленно выделит свою приписку, чем расстрогал бабку.

— Вот и молодец! — похвалила она. — Сегодня ложись спать, а завтра Виктору напишем...

— А хлебушка не дашь, баб? — не выдержав, спросил Шурка.

Бабка перестала крутить жернов, пошевелила молча губами. — сказала, вздохнув:

— Нету хлеба, сынок... Завтра поутру привезут.

— Ладно, баб, — смутился Шурка. — Это я так спросил.

Когда Шурка улегся, закутавшись одеялом, бабка накинула на него старый полушубок и ткнулась к изголовью рукой.

— На-ко вот... Сухарик нашла.

В Шуркиной ладони оказался маленький кусочек засохшего ржаного хлеба. Он надкусил его, разжевал и, жмурясь от удовольствия, придержал во рту клейкую массу. И этот черный сухарик, написанное письмо, завтрашний праздник с конфетами, вкус которых мальчишка смутно помнил, отодвинули назад мысли о сгоревшем парходе, немецких танках, торопящихся на запад поездах... Он так и заснул с улыбкой и надеждой на радостную близость перемен. А за стеной старого дома пронеслись составы, позимнему хмурилась ночь и все надрывнее выл разгулявшийся ветер. И бабка, прислушавшись к голосам жизни, вздыхая от дум. В полумраке избы все крутился и крутился тяжелый жернов крупорушки...

БОРИС МАШУК

ВЕЧЕРОМ, ПОД ПРАЗДНИК

РАССКАЗ

и гражданскую. Потом до старости путевым обходчиком работал. И уж когда ему отдыхать бы, жить, делам сынов своих радуясь, еще и эта война пришла, опустошила его дом, взамен горе внесла, подлая...

— Сообщаю тебе, что не так давно приходил к нам в гости Хрол Чабуреткин, — под ровное гортанное крупорушки рассказывала бабка. — Теперь он новый колхозный голова. Я уж прописывала тебе, дорогой сынок Климентий, что с хронту он пришел, широко скалеченный. Без ноги, и рука обожженная у него сохнет. Пьет Хрол шибко, а хозяйство ведет, как может...

— Погоди, баб, — оставил Шурка. — Лист переворачивать нужно, пускай чернила просохнут...

ШУРКА, перечитывая написанное, запнулся на непонятном для него выражении «колхозный голова» и вспомнил свою встречу с Фролом.

С фронта Чабуреткин вернулся в покос. Встречавшие его, а особенно деревенские пацаны, говорили, что у Фрола орденов на всю грудь и еще медалей с полведра будет. И Шурке все хотелось посмотреть на веселого дядьку, а когда встретились, то никаких орденов он не разглядел. Фрол лежал под плетнем рядом с крыльцом сельсовета, напротив которого магазин стоял. На крыльце магазина сидел продавец — старик Дауменко и плакал, глядя на Фрола. Сапог на единственной ноге Чабуреткина скалился гвоздями, а модельная култышка хлябала в плохо затянутых сыромятных ремнях. Напрягаясь так, что на шее вздувались жилы, хотел Фрол подняться от земли, да нога скользила, а второй не было и, раскочыряваясь по-пьяному, он снова валился на бок, поднимал в чистоте после недавнего дождя небо кулак и грозил со стоном и болью:

— Ссволочи! Догоним, гадые паучье... Всю землю

— продолжала та. — В огородах уродилось хорошо, и люди запаслись на зиму. Семь мешков картошки мы сдали по самообложению, мешков пять продадим. Свезем на базар и капуста, и огурцов. Люди бедствуют, но счас уже не то, что в первости было. Шурке думаем справиться одежку да матанки по ноге подобрать...

— А когда напишем, что дедушка в больнице лежит? Ответила она не сразу и тихо:

— Чего ж с плохой вестью торопиться... Вот встанет дедушка, тогда и пропишем, что хворал...

Бабка еще помолчала немного, отдыхая или вспоминая что, и лицо ее вдруг осветилось хитровато-таинственной улыбкой.

— Ты ему лучше про Варьку Бибикову напиши-ка... Привет от нее передай.

Шурка, удивленный тем, что ему еще нужно писать привет про почтальонку-Варьку — соседскую задаваху с косой — решительно воспротивился, сказав, что дяде это ни к чему.

— Пиши, дурачок такой, — построжала бабка, опять берясь за ручку жернова. — Много ты понимаешь, а им там о доме все знать охота. Пиши: Варька, дочка Бибикова Степана, держит себя в красоте и обиды над собой не позволяет и баловством не занимается...

Бабка еще что-то говорила про Варьку, но Шурка строчил совсем другое — от себя. «Дядя Климентий! Учусь я хорошо, как вы и прописывали — для помощи фронту. Учителка ставит мне четыре и пять, а завтра у нас будет праздник. Еще сказывал мне Юрка Бредихин, что на станцию передали наркомовский подарок. Дадут нам завтра конфеты и, видно, пряников. А мне еще обещали вырешить штаны или материю на них, потому как я сирота и племянник фронтовиков. Да, видать, штаны привезут в другой раз. А я, дядя, и подождать могу, хотя эти поизносились крепко.

ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ ПОЭЗИИ

Бюро областного литературного объединения сообщает, что сегодня в конференц-зале редакции газеты «Амурская правда» состоится «Вечер одного стихотворения».

Приглашаются все любители поэзии. Начало в 18 часов 30 минут.

Станислав ДЕМИДОВ

Люблю небес серебряную проснью.
Когда рассветы сказочно тихи,
Неслышным шагом листьев входит осень
В мои дела, поступки и стихи.
Намного жизнь сложней, намного
Проще,
В ней истину найдешь не без труда.
Опять иду один к далекой роще
По старым, сердцу памятным следам.
Усыпан путь багряною листвою,
Печально светлою полна моя душа.
Не веротит минувшее, былое —
И я невольно замедляю шаг.
Уходит все: и то, что в сердце
носим мы,
И то, чем хороши мы и плохи.
...Седой рассвет. Дыханье поздней
осени.
Осенние, чуть грустные стихи...

Игорь ЕРЕМИН

Молодая пора ожидания
Снова душу мою бередит,
Будто первое в жизни свиданье,
И вся жизнь, и любовь впереди.
Будто б праздник, а я накануне,
Как мальчишка часы подвожу.
Вижу осень, а сам, как в июне,
Накануне июля жожу.
Дочь к моей голове прикоснется:
— Папка, — крикнет, — вот волос
седой!
— Да, — скажу, — побелел он
от солнца,
А лицом я совсем молодой.
— А морщинки? — не веря ошибке,
— Погоди, — говорит, — погляди!
— А морщинки, — скажу, — от
улыбки.
У меня, чай, вся жизнь впереди.
Так отец жил и дальний мой предок.
Верю в лучшее. Глупо тужить.
Тем и скрашу судьбу напоследок.
Я уйду — будет дочь моя жить!

Виктор ЯКУШЕВ

РОМАНТИКИ

Кто романтиком назван не был,
Впав в уютный квартиры плен,
Чья душа не бродила небом
У вселенной меж синих вен,
Кто не видел себя открывателем
Неизвестных, далеких звезд,
Мне вас просто жаль, обыватели,
Сторожа современных гнезд...
Кто не ищет с ветрами встречи,
Не тревожит уюта гладь,
Под рюкзаки не подставит плечи,
Тем романтиков не понять...
А ребята уходят в ночи,
Под гитарную грусть молчат,
И, волнуясь, живые строчки
Пишут с чувством стихами — в ряд...
Пахнут строчки костерным дымом,
В них дороги и кручи гор,
Голубые глаза любимых
И хрустальных морей простор...

ВНИМАНИЕ, ПОДПИСКА!

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!
НЕ ЗАБУДЬТЕ ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ
НА ГАЗЕТУ «АМУРСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ».
ПОДПИСКА ПРОИЗВОДИТСЯ
ВО ВСЕХ УЗЛАХ И ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ.
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД — 3 РУБ. 12
КОП.
НЕ ОТКЛАДЫВАЙТЕ
ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ
НА ПОСЛЕДНИЕ ДНИ!

За редактора С. ФУРСА.

ТЕЛЕВИДЕНИЕ

30 октября. 19.00. Телевизионные новости. 19.10. «Автомобильный в Жигулях». Кинорассказ. 19.40. «Амурская неделя». 20.20. «Варшавская мелодия». Телевизионные спектакль.
31 октября. ИЗ МОСКВЫ. 17.30. Новости. 17.45. Для детей. 18.20. Телевизионный наборный университет. Факультет

науки. «Неорганическая химия». 19.00. Цветное телевидение. Телевизионный театр миниатюр. Комедия Э. Лабина «Тридцать семь су господина Монтювана». 20.05. В эфире — «Молодость». «Осень». 21.35. «Потенциал Сибири». 22.05. Концерт. 22.30. «Америка накануне выборов». 23.00. Чемпионат СССР по футболу. «Динамо» (Москва) — родной университет. Факультет

Типография № 1 областного управления по печати. ВЕ01451.

Заказ № 6330.